

Я дрожала в объятиях брата, но мои руки бесстыдно стягивали с него одежду. Я была девственницей. Даже ни разу не целованной. Я видела, что страсть захлестнула его - это читалось в глазах. Дима, не стесняясь целовал мою грудь, а я лишь задыхалась от сладкой боли, которая сильнее разгоралась внутри меня... Многие осудят меня, но... При любых обстоятельствах я поступила бы так же. Я бы сделала то, что сделала...

Ирина Черная

Девственница

ОБРАЗЕЦ

18+

Я дрожала в объятиях брата, но мои руки бесстыдно стягивали с него одежду. Я была девственницей. Даже ни разу не целованной. Я видела, что страсть захлестнула его – это читалось в глазах. Дима, не стесняясь целовал мою грудь, а я лишь задыхалась от сладкой боли, которая сильнее разгоралась внутри меня... Многие осудят меня, но... При любых обстоятельствах я поступила бы так же. Я бы сделала то, что сделала...

- [Ирина Черная](#)

-

Ирина Черная

Девственница

Глава 1

Начать стоит, пожалуй, с моего детства. В полных семь лет я потеряла маму. Свою родную маму. Её зарезали, когда она после ночной смены в кафе шла домой. Я мало что понимала в убийствах. Знала только то, что мама оставила меня. Помню, как плакала на её похоронах, сидя на руках у бабушки-соседки, с которой я жила некоторое время, пока не попала в детский дом. Никаких поцелуев на прощание. Меня так и не пустили к ее безжизненному телу. К слову, своего родного отца я не знала. Он ушёл, когда мама была беременна мною.

– Подонок, – говорила мама в сердцах. Будучи ребенком, я знала, что это плохое слово, но вряд ли осознавала его смысл до конца. Только мы с мамой были друг у друга. А теперь я осталась совершенно одна... По прошествии стольких лет, я понимаю, что не помню ее лицо, только глаза голубые, как и мои. Не осталось и фотографий. Ничего, что я могла бы хранить как память. Не стоит грустить обо мне, дорогой читатель, в моей жизни будет ещё счастье... Но об этом позже. Итак, детский дом. Из уст сотрудников службы опеки, это название звучало иначе, чем из уст бабушки – соседки. Имени её не помню, а лишь только как она произносила:

– Детский дом, – с жалостью смотрела на меня и удрученно качала головой. Я помню, что розовый заяц, моя любимая игрушка, стала общей, когда я оказалась среди других сирот. Её отобрали другие дети не прошло даже и пяти минут. А когда они узнали, что у меня была мама, они смотрели с завистью. Я не знала почему... Не понимала. С возрастом я наконец додумалась, что многие из них не видели своих матерей. А я была счастливицей. Целых семь лет с мамой... У них не было и нескольких дней, не то, что у меня. Я помню, как многие из них ластились к нянечкам, словно брошенные котята, но те лишь сурово одергивали детей, чтоб не повадно было. В таком деле нельзя иначе. Дашь слабость к одному и другие захотят. Начнут биться за внимание и возможность оказаться самым любимым ребёнком. Вот так в одночасье я оказалась среди отверженных. Сама являясь таковою. Это большая трагедия, скажу я вам, быть сиротой. Я говорю не о себе, я говорю о тех других, которые остались там. А я не осталась. Нет. Я иногда думала, что судьба пощадила меня, послав благословение в виде супружеской пары, которая удочерила меня. Помню, как стояла на смотрах с отмытым лицом и грязью под нестриженными ногтями. Со мной были ещё две девочки, но окончательный выбор пал на меня.

– Косарь Инна, семь лет. Её мама умерла полгода назад. Других родственников увы не оказалось. Талантливая, послушная девочка, – поясняла тётя в костюме. Я видела её лишь несколько раз, но не знала кто она.

– И в чем заключается твой талант? – спросил мой будущий папа, заглядывая мне в лицо. Я сделала шаг вперёд, ох как тряслись мои ноги. Но я старательно прочистила горло, как меня научил преподаватель музыки и запела "Катюшу". Я хорошо пою. Так мне говорили. Я помню, как лицо папы просияло, а в глазах сквозила доброта. Они с женою переглянулись улыбаясь друг другу. А я все пела и пела... Потом они уехали, а я расплакалась. Я думала, что понравилась им, и что они сразу же заберут меня к себе. Мне

было очень грустно от того, что я опять оказалась брошенным ребёнком. Но они вернулись, чтобы познакомиться со мной ближе. Я помню, как нянечка вела меня за руку по длинным коридорам на встречу к моим будущим родителям. – Димитровы Александр и Ольга. Я помню, как улыбаясь они говорили мне о том, что скоро заберут меня к себе. Они сказали, что теперь у меня будет старший брат Дима. Все мы будем жить в большом доме. Где у меня уже есть своя комната с множеством разнообразных игрушек и красивых платьев... Что говорить, я была рада. И никак не могла насмотреться на своих новых друзей. Ольга была очень красивой, статной женщиной с карими глазами и тёмными, длинными волосами. Александр, был высоким и смуглым, с темными, добрыми глазами. Эта пара определённо нравилась мне. Они были добры ко мне... Картинки в моей памяти сменяются подобно фильму, где я в главной роли... Когда я первый раз увидела, дом, Димитровых, я была в детском шоке. Я все говорила: – Этот дом словно кукольный. Только больше, в сто тысяч раз. Папа, держа меня на руках смеялся и отвечал:

– Да, Инночка, в сто тысяч раз больше. Я стеснялась, когда вошла в дом, и меня окружило множество людей. Все кто работал в нем, пришли в холл по приветствовать меня, а я поражалась тому, как много у меня теперь родных... Крепко вцепившись в папину руку я все вертела головой из одной стороны в другую пытаюсь рассмотреть всех и все одновременно. Дима подошёл ко мне последним. Он был высоким и взрослым.

– Ну привет, – пренебрежительно сказал он. Что ожидать от подростка в 17 лет? Тем более, он всегда был единственным ребёнком в семье, а тут притащили какую-то оборванку и назвали её сестрой. Он был мне не рад. Я знаю это. Но сейчас это уже не важно. Я стала Димитровой Инной Александровной. Таковой остаюсь и по сей день. Назвать Ольгу мамой я не могла. Я знаю, что делала ей больно, но она всегда улыбалась мне называя Пташкой. Это прозвище закрепилось за мной после того, как я парила по дому залетая в каждую комнату и визжа от восторга. К слову, в доме имелось две гостиных, столовая, кухня, библиотека по совместительству рабочий кабинет папы, музыкальная комната, две комнаты для гостей, родительская спальня, комната брата, в которую я не заходила, пока он жил с нами. И наконец моя комната. Самая лучшая из всех. Солнечная, розовая, с множеством игрушек, красивой большой белой кроватью по центру, и большим шкафом, наполненным разнообразной одеждой. В каждой из спальных комнат имелась отдельная ванная комната. Большой, светлый, просторный дом, который полюбился мне сразу же. Я и до сих пор люблю его несмотря на то, что он давно уже опустел... Ну, не будем забегать вперёд.

За очень короткий срок жизнь моя пришла в норму. Меня любили, баловали, воспитывали и я была счастлива. Сразу же отдали меня в приличную школу, в которую нас с Димой каждое утро отвозил папин шофер Виктор Петрович. Дима всегда держался особняком. Мы с ним практически не общались. Да и о чем нам было говорить? Он старшеклассник, готовящийся к выпуску, а я первоклашка. Я всегда с любопытством разглядывала его гадая, чем он все время занимается, закрывшись у себя в комнате... Но по стечению обстоятельств виделись мы с ним утром в машине по дороге в школу. После занятий, меня тащили в музыкальную школу, или в танцевальную, а когда вечером я наконец возвращалась домой, Дима уже сидел за плотно запертой дверью. С теплотой в сердце я вспоминаю Ольгу. Она отдавала мне все своё свободное время, выслушивая мои школьные истории, часами просиживая со мной в музыкальном классе, где я разучивала ноты и пела. Обнимая меня перед сном, она говорила, что я вырасту очень талантливой и красивой девочкой. Также я отчётливо знала, что Дима предпочитает компанию своей матери больше,

чем отца. Папа тогда часто пропадал на работе, но на ночную сказку для меня у него всегда находилось время... По прошествии стольких лет, я наконец понимаю причину натянутых отношений между сыном и отцом... Я быстро освоилась в этой семье. Я знала каждого, кто работал в нашем доме, и все были ко мне добры. Особую любовь, я заслужила у тети Глаши, она работала на кухне и не упускала возможности сунуть мне какую-нибудь сладость. За это я рисовала её портреты, если это можно было назвать вообще рисунком, и дарила их ей по пять штук в неделю. Она, глядя меня по голове, приговаривали о том, какая я умница. Так прошли первые месяцы. В беззаботной радостной суете протекала моя жизнь, до момента пока не заболела Ольга. Я сначала не понимала, почему она теперь проводит так много времени в постели. Я помню её исхудавшее лицо, и потерянный взгляд. Иногда она приходила в себя, и я слышала, как она плачет от боли. Люди в белых халатах, именуемые врачами, стали нашими постоянными гостями. Когда мне удавалось пробраться в комнату к моей приёмной маме я тихо пела ей колыбельные, которым она научила меня. Я просила её не болеть, на что она улыбалась и сквозь слёзы обещала поправиться. В доме царила гнетущая атмосфера. Все ходили тихо, говорили шепотом, словно боясь потревожить маму Олю. Папа не читал мне сказок. Он все время проводил возле супруги. Дима, вообще делал вид, что не знает о моём существовании... Мне было грустно. В те дни за мной присматривала тётя Глаша. Однажды она приказала мне идти в ванную, но я закатила истерику... До сих пор стыдно. Я кричала, о том, что позволю купать себя только маме Оле, ведь этим всегда занималась лишь она. Я тогда впервые назвала её так. Мама Оля. Теперь я с тоской вспоминаю это время. Нужно было её называть так всегда, потому что она была ко мне добра... Я этого не ценила. Я отчётливо помню день её смерти. Трое врачей были около мамы Оли они все совали в неё свои иглы, а она так тяжело хватала воздух ртом. Папа отвернулся к окну и тихо плакал, мы с Димой стояли в дверях еле дыша. Я помню, как схватила его за руку:

– Мама Оля умирает? – спросила я.

Он посмотрел на меня тогда, как будто видел впервые:

– Да, пташка. Это было последнее, что сказал он мне. После мы заговорили с ним спустя десять лет... Но тогда, я заплакала, а он, взяв меня на руки, унес в мою комнату. Уткнувшись ему в плечо, я плакала. Мне было жалко маму Олю. Очень жалко. Дима, поглаживая меня по спине, ждал, когда же я успокоюсь. Маме Оле было 42 когда она умерла. Это была онкология яичников. Все погрузилось в ещё больший мрак. Дом, люди и я. Я больше не пела песен. Только тихо сидела в своей комнате, ожидая, когда придёт тётя Глаша и посидит со мной, чтобы я совсем не сгинула от тоски. Учебный год подошёл к концу. Я окончила первый класс, а Дима школу. Через некоторое время он уехал. И в доме стало ещё более тихо, чем когда-либо. Я спросила у Тети Глаши куда же уехал Дима, и когда он вернётся. Она тогда так серьёзно взглянула на меня, размышляя о том, говорить ли мне правду...

– Он уехал в Англию учиться, и вряд ли вернётся обратно.

– А как же папа и я? Тетя Глаша молчала.

Тогда мне многое наконец стало понятно. Держала его здесь только мама Оля. Мы с папой ему были не нужны.

Пошли годы, я вновь занималась пением и танцами. Со временем папа пришёл в себя и посвятил свою жизнь моему воспитанию. Нам было хорошо, он учил меня математике и истории. Он был умным. Мой папа. Я же в свою очередь каждый вечер играла ему на

пианино. Он просил так развлечь его, но со временем я поняла, что эта хитрость, помогла мне стать опытным музыкантом. Я давно обогнала учебную программу. Я любила музыку и до сих пор люблю. Она всегда со мной. Только лишь музыка остаётся бессмертной. Нам было хорошо с папой. Он учил меня жизни, а я дарила ему свою детскую непосредственность. Когда мне стукнуло двенадцать лет, папа решил серьёзно поговорить со мной о "женских делах". Так он их называл. Я сказать честно не понимала о какой крови он толкует, но через некоторое время, все поняла. Бедный мой папа, как он смущался, рассказывая о том, что нужно быть осторожной с мальчиками. Сказать на чистоту, я не совсем понимала, о чем он пытается сказать... Моё увлечение помогло мне стать очень востребованной персоной на школьных мероприятиях, и папа не пропускал ни единого выступления, снимал все на камеру, а после хвастаясь своим партнёрам по бизнесу, которые посещали нас на праздники. Ох, эти тетки и дядьки всегда просили сыграть или спеть "что-нибудь эдакое". Новый год с папой мы всегда праздновали лишь вдвоём. Сами наряжали ёлку и накрывали на стол. Папа всегда говорил, что это домашний праздник и все работники должны быть со своими семьями. То были чудные дни. Каждый год я обязательно дурачилась и устраивала свой голубой огонёк с переодеваниями и новогодними песнями. А утром первого января, я уже с утра мчалась к елке гадая, что же в этот раз подарит мне папа. Нет, я не в чем не нуждалась, но папины подарки – это всегда нечто особенное. Сборники сказок мира. Музыкальные пластины. Исторические энциклопедии. Все его подарки несли поучительный характер и мне нравилось это. Я все думала, а что же он дарил Диме? И дарит ли сейчас? Он никогда не говорил о нем. Никогда. Спросить сама я не решалась. Друзей у меня было не много, так как ребенок я был занятой, но все же я обзавелась парочкой школьных подруг. Вот мне уже стукнуло шестнадцать. Я бросила танцы, потому что начала отставать в учёбе. Между музыкой и танцами, я всегда выбирала только музыку. Тетя Глаша уже едва ли успевала переставлять ноги по кухне, и я всегда шла ей на помощь. Сначала она учила меня управляться с простыми блюдами, а после стала обучать более серьезному чем яичница, и летний салат. Я готовила и напевала одновременно, а кухарка всегда заслушивалась и просила не умолкать.

– Как же хорошо ты поешь, девочка, а красавица просто загляденье.

Я любила комплименты о своём голосе, но о красоте нет. Я всегда так смущалась. Рассматривая себя в зеркале, я думала, что я довольно симпатичная. К слову, у меня были длинные каштановые, вьющиеся волосы, голубые глаза, а над ними тёмные густые брови, которые мне обязательно следовало подправить. Пухлые губы и светлая кожа, сглаживали общее впечатление, и я казалась довольно милой. С карманных денег, которые мне выдавали на неделю вперёд я собрала приличную сумму и решила, что пора в салон красоты. Брови мои слегка приподняли вверх отчего взгляд стал более ясным и выразительным. Состригли челку и перекрасили мои волосы в чёрный. Я так сильно нравилась себе. Поднимая свою копну в конский хвост, я возомнила себя девушкой Бонда. Ей Богу. Очень стильный образ. Я помню, как по дороге домой попросила водителя Виктора Петровича остановится возле любого кондитерского магазина. На оставшиеся деньги я купила торт, чтобы как-то задобрить папу. Мама дорогая, я думала его хватит удар. Никакой торт не помог, но со временем он смирился с моим имиджем, и мы уже вместе ездили к моему парикмахеру. Так мы и жили. Без Димы все десять лет, пока наконец мне не стукнуло восемнадцать. Выпускной класс, дело шло к весне. Я совсем не знала куда буду поступать, но папа говорил успеется, и я не переживала. В этот мартовский вечер я задержалась в студии, у ребят,

которые писали музыку. Мы были знакомы еще с музыкальной школы, и они за мои таланты и заслуги дразнили "лучшей из лучших". Мне не нравились такие странные подколы, но я знала, что это по-доброму. Я часто сидела там, и наблюдала как делаются хиты. Я мечтала, что однажды я тоже стану такой же популярной, как и клиентура моих друзей. Половина, из так званых звёзд даже петь не умела, но ребята творили чудеса с их голосами. Мне позвонил водитель Виктор Петрович. По его голосу я сразу поняла, что-то не так. Я быстро распрощалась с друзьями и рванула вниз к выходу. Я помню, как меня пробирал холод, то ли из-за погоды, то ли от страха. Виктор ждал меня возле машины, лицо его было темнее тучи и все поняла. Кто-то умер. Что-то стряслось. Я знала это.

– Крепись девочка, – сказал он мне, – Саша погиб.

Темнота поглотила моё сознание. В чувство я пришла уже дома. Я слышала людей, голоса, разговоры, но в голове лишь мысль, что все происходящее сон. Сон. Я помню, как на мгновение обрадовалась. – Дима уже вылетел. На этой фразе происходящее поглотило меня. Я встала, внимательно осматривая собравшихся людей. Все домашние столпились вокруг. Автокатастрофа. Не справился с управлением и вылетел на встречную полосу. Лобовое столкновение. Умер в скорой. Так в одночасье в свои семнадцать я осталась круглой сиротой. Не подумайте, что я переживала о себе, нет. Я оплакивала отца. И до сих пор оплакиваю. Разве такие раны затягиваются? Никогда. Воспоминания притупляются, но боль утраты. Никогда. Тетя Глаша дежурила возле меня всю ночь, опасаясь истерики. Утром я не понимала, что я должна делать.

– Что же мне делать, тетя Глаша?

– Жить, милая моя. Жить.

– Но, а как быть с папой? Я же ничего не знаю... Куда мне идти? – плакала я.

– Дима скоро уже будет здесь. Он всем займется. Дима. Долгих десять лет. Я не знала, как он отнесется ко мне. Что дальше? Что ему говорить в конце концов? Мы были чужими людьми друг другу. Были...

Тетя Глаша меня как маленькую девочку водила за руку, заставляя умываться, одеваться. Я смотрела на свое отражение и не верила, что это действительно я. Выглядела я ужасно, но и не мудрено, после бессонной ночи.

– Подкрась немного личико, Инночка, а то стоишь ни жива ни мертва. Я мазнула тушью по ресницам пару раз. А после глаза мои вновь покрылись пеленой слез, и я прекратила. Это неправильно, подумала я тогда. Я сидела на софе в черном одеянии. Много людей сновало туда-сюда, но я мало обращала на это внимание. Я была поглощена своею тоской. До момента, пока не приехал Дима. Я не видела, как он вошел, что и как. Я помню, как он громко спросил у кого-то:

– Где Инна?

Рефлекторно я подняла глаза на своего брата. Он всегда был таким высоким? Дима был деловит. Собран. Красив до безобразия, в своем строгом костюме, а я сидела и рассматривала его, вместо того чтобы отозваться. Дима смотрел по сторонам, в поисках ребенка каким я когда-то была, и не находил его. Я встала, и он наконец нашел меня глазами. Он был удивлен, я знаю, он сам мне потом говорил об этом.

Выше меня на головы две, – думала я когда он подходил ко мне, пробираясь сквозь толпу. Я не знаю почему, я старалась держаться, чтобы не лить перед ним сопли... Но что-то происходило странное внутри. Увидев его, я осознала свою утрату сильнее, острее. Облик

его стало размываться, и я зарыдала, уткнувшись лицом в ладони. Помню, лишь как он обнял меня, а я, цепляясь за его пиджак рыдала и не могла остановить поток своего горя. Он единственный кто остался у меня. Нет больше никого. И я одна. Мне хотелось умолять его не оставлять меня. Мне было страшно. И так горько. Дима вывел меня во двор. Было холодно, и я наконец начала приходить в себя. Он протянул мне платок, и я, наконец утерев слезы, взглянула ему в лицо. Он так возмужал. Серьезные карие глаза изучающе смотрели на меня. Он был смуглым, а волосы все так же торчали непослушно в разные стороны. Лицо его покрывала трехдневная щетина, подчеркивая волевой подбородок и мягкость его губ.

– Ты серьезно подросла, пташка. Я хотела ему ответить, но вместо слов вырывалось лишь жалкое заикание. Я оставила попытки говорить, и лишь молча следовала за ним словно тень. Папу похоронили мы в тот же день. Вечером после похорон я все плакала в объятиях своего сводного брата, плакала до тех пор, пока выпитый алкоголь не сделал свое дело и обессилив я окончательно заснула. Позже я узнала, что Дима отнес меня в мою комнату. То был самый ужасный день в моей жизни. Но за ним следовал лишь подъем. Утром следующего дня меня разбудил сам Дима и приказал собираться.

– Куда? – спрашивала я. – Мы летим в Англию. Рейс через три часа.

– Поторопись, – сказал он, и вышел, деловито прижимая свой телефон к уху. Я тогда была в растерянности. А как же все? А как же дом? И тетя Глаша? Я спросила у нее тогда, как быть?

– Дуреха, – отвечала она мне, – неужели ты собираешься просиживать тут со мной? Лети с братом, вы одни остались друг у друга.

– Но как же, – говорила я, – ведь вы мне роднее, чем он. Мы были не нужны ему с папой, столько лет.

Тетя Глаша усадила меня на кровать и стала пояснять:

– Твой папа, милая, не святой. У Димы были поводы на него обижаться, уж поверь мне. Я тут появилась задолго до тебя, и кое-чего видела и слышала. Твой брат, хороший мальчик, поверь мне, деточка, и пошевеливайся, не то опоздаете.

Я искупалась, привела в порядок волосы. Надела джинсы с высокой талией, короткую шерстяную кофту, и свою любимую короткую куртку, которая сказать честно была мне мала в груди. Тетя Глаша настояла на макияже. Я мазнула губы карамельной помадой, и она оставила меня в покое. Мы собрали вещи лишь на первое время, остальное тетя Глаша пообещала лично все собрать и выслать мне в Англию. Дима оставил домашним адреса и телефоны для связи. Я плакала по дороге в аэропорт. Мне было жаль оставлять тетю Глашу, и дом и свою прошлую жизнь. Я боялась неизвестности. Но если бы я знала, что произойдет со мной в той далекой стране я бы не плакала, нет. И я бы всегда полетела вслед за Димой. При любом раскладе. Всегда.

Глава 2

В самолёте я спала, облокотившись на плечо брата, которое он любезно подставил и терпел, даже не шелохнувшись, давая мне возможность отдохнуть. Я помню, как вдыхала его запах... И его я никогда уже не смогу забыть... Я пыталась, но так и не смогла. Он заботился обо мне, а я не понимала, почему? Почему он поддерживает меня все время за руку? Отпуская лишь время от времени, чтобы ответить на очередной телефонный звонок. Я тогда

подозревала, что он не хочет, чтобы я потерялась в аэропорту. Это странно, – думала я тогда. Как будто мне десять лет. Мы подошли к его машине на стоянке. Чёрная, спортивная, как раз под стать моему Диме. Тогда же, я впервые увидела, как он закурил. Сигаретный дым окутал нас, а мой брат присев на капот машины все глядел на меня, бросая быстрые взгляды исподлобья. Я молчала, не решаясь заговорить первой.

– Завещание отца зачитают только по прошествии пяти месяцев, – наконец сказал он. Я помню, как задрожали мои губы только от одного воспоминания о папе. Я присела рядом с Димой и ответила:

– Это не вернет мне его.

– Никто не возвращается с того света, пташка. Немного помолчав, я вновь заговорила.

– Дим.

– Ммм.. – тянул он дым в себя.

– Зачем ты привёз меня сюда?

– Не хотел тебя оставлять. Ты очень трогательная в своём горе, – сказал он выбрасывая окурок. Мы сели в машину, и поехали в Лондон. Я знаю его. Теперь уже знаю. Он лишь делал вид, что ему все равно. В то первое время, он был задумчив и молчалив. Я не знала наверняка, о чем он думает, но теперь знаю. Он думал об отце. Он не горевал, но на душе было гадко. Я знаю. Когда умирает твой родной человек, пусть даже вы и не были близки, ты думаешь о том, почему так сложились ваши отношения? И можно ли было изменить это? Что было бы тогда? Пока мы ехали к городу, Дима снова закурил:

– Ты говоришь по-английски? – спросил он.

– Да. Не очень хорошо, но думаю, я справлюсь.

– Хорошо, – промычал он. Тогда брат включил музыку, а я отметила, что вкус его довольно неплох. Мне нравилось большинство из того, что нравилось ему. Когда мы наконец добрались до Лондона, начался дождь. Не смотря на погоду я была очарована этим городом. Красивая, древняя архитектура, машины, автобусы, витрины магазинов, люди... Все это поражало своей величиной и грацией. Мне очень понравился дождливый Лондон, как и сама Англия. Я хотела бы вернуться туда... Эта страна ассоциируется у меня со счастьем, любовью... Я так хочу вернуться обратно, хотя бы ещё на день почувствовать все то, что я чувствовала все пять месяцев, пока жила там. Квартира Димы была далеко от центра города, но район не уступал по красоте, тому, что я видела ранее. Мы поднялись на второй и предпоследний этаж в доме. Там находилась квартира Димы. Я была приятно удивлена увиденным, как только переступила порог квартиры. Первым делом я увидела просторную светло – бежевую гостиную, с высокими потолками и огромными окнами. Убранство холла было довольно... холостым. Ничего лишнего. Большой телевизор, диван, музыкальный центр, два длинных книжных шкафа, где, помимо книг, чего только не было, журнальный столик. В центре комнаты лежал белый, овальный ковёр. Сразу направо располагалась кухня, в светло серых тонах, прагматичная. Все, по существу, и ничего лишнего, даже цветов вазе. Обедали мы также за барной стойкой, так как стол не предусматривался. Из гостиной, только уже в левой стороне располагалось две спальни, одну из которых занимал мой брат, а другую заняла я. Между нашими комнатами располагалась просторная ванная комната. В неё и я и Дима могли попасть прямо из своих спален. Я сразу подумала о том, что это неловко. А если я случайно застаю Диму за утренними процедурами? Я промолчала на этот счёт. Не хотела смущать брата, так как он ходил за мной ожидая, когда же я в конце концов прокомментирую его холостяцкое логово.

– Это твоя квартира, или съёмная? – спросила я, осматривая огромный шкаф купе в моей комнате.

– Моя, – просто сказал он. Я помню, как задвинула дверь шкафа, и увидела своё отражение в огромном зеркале, которое было прикреплено к гардеробу. Позади меня стоял Дима. Он так странно рассматривал меня. Мне стало неловко, и я покраснела.

– Мне нравится твоя квартира, – сказала я его отражению.

– Располагайся, – ответил он и ссутулившись вышел. Услышав запах дыма, я поняла, что Дима опять тянул сигарету. Мне было странно. Я чувствовала себя не в своей тарелке. И даже шум города за окном, напоминал мне о том, что я не на своём месте. Точнее, не на месте, к которому привыкла. Переодеваясь в домашнее платье, я остановила свой взор на отражении моей фигуры. Дома зеркало в моей спальне было куда меньше, поэтому, я никогда не заикливалась на этом. Наверное, в тот момент, я осознала себя уже взрослой и сформировавшейся девушкой. Тетя Глаша говорила, что я ранний цветок, мне нравилось это сравнение. Я всегда знала о том, что моя грудь куда больше, чем у сверстниц, и в тот вечер я наконец рассмотрела себя как следует. Круглые бедра и объёмная грудь резко контрастировали с тонкой талией. Я нравилась себе, без сомнений, но никогда не считала себя лучше кого-то. Почти никогда... И об этом "почти" вы узнаете совсем скоро. Я помню, что шуршала на кухне в поисках какой-нибудь еды, но в холодильнике было почти пусто. Кроме колы, пары яиц, там был пропавший йогурт и скисшее молоко. В морозилке я нашла замороженную лазанью. Впопыхах, но я таки приготовила незатейливый ужин. Тетя Глаша была бы в шоке. Но разве у меня был выбор? Я помню, как Дима, сидя за барной стойкой потягивал виски и наблюдал за тем, как я пытаюсь приготовить что-то более-менее приличное.

– Кто научил тебя готовить? – спрашивал он.

– Тётя Глаша. Он опять курил. Засунув лазанью в духовку, я села напротив.

– Будешь? – спросил он, протягивая мне свой бокал. Папа этого совсем не одобрял. Я все же сделала глоток. Помню, как первый раз этот напиток обжог мое горло, но послевкусие мне пришлось по душе. И я сделала ещё один глоток. Он улыбнулся мне. Впервые за столько лет. Я была очарована им. Я была очарована своим братом...

– Завтра, пташка, я с утра должен уехать. Вернусь поздно. Он отдал мне запасные ключи от квартиры и кредитку. Я не хотела, как какая-то бедная родственница садиться к нему на шею. Я отказывалась. Но он настоял.

– Можешь не пользоваться, но мне спокойней, если она будет с тобой. Мы поужинали в тишине. Пока я мыла посуду Дима скурил ещё сигарету. Сказал спасибо за ужин, пожелал мне спокойной ночи и ушёл к себе. Плотно закрыв двери своей комнаты, прямо как в моем детстве. Пол ночи я тынялась по квартире в поисках развлечений, так как спать вовсе не хотелось. Я копалась в книжных полках, отмечая, что вся литература на английском языке. Тогда же я и наткнулась на фотографию мамы Оли, она улыбалась мне со свадебного портрета, где было аккуратно обрезано лицо папы. Брат мой, человек весьма упертый. Если он решил выбросить кого-то из своей жизни, то сделает это очень решительно, не оставив на память даже портрета. Уж я-то знаю... Я остановила свой выбор на "Гордость и предубеждение" Джейн Остин – это стало первой книгой, которую я прочла полностью на английском языке. Утром, следующего дня Димы уже не было дома. Решая, что же мне делать, и так как есть было нечего, я решила воспользоваться кредиткой. Я помню, как бродила по району в поисках супермаркета. Я слышала, как быстро общаются между собой

проходящие мимо люди, и улавливала лишь обрывки отдельных фраз. Я вертела головой как заводная игрушка, поглощая живописные здания, меня интересовало все, даже одежда англичан. Простота и элегантность, весь секрет. Позже, так же одеваться стала и я. Я наконец скупилась в огромном супермаркет, и таща нагруженные пакеты, искала дорогу домой. Я тогда думала, что не буду совсем уж надоедливой ношей, если стану полезной в быту. Дима приехал около полуночи, но я дождавшись его принялась разогревать ужин.

– Пташка, я поужинал в ресторане, спасибо, не стоило. Меня обидело это. Ведь я так старалась ему угодить.

– Мог бы позвонить, и предупредить, – бросила я, обижено удаляясь в свою комнату. Утром следующего дня я проснулась на рассвете. Мне снился папа. Он часто снится мне. Даже сейчас... Я приняла душ и выпила крепкий кофе, чтобы взбодриться и успокоить разгулявшиеся нервы. Я хоть и дула губы на Диму, но все же приготовила на завтрак блинчики с джемом. Фирменный завтрак тети Глаши. Когда в душе зазвенела вода, я поняла, что брат проснулся, и сварила свежий кофе. Оставив завтрак на столе, я ушла в свою комнату. Не знаю, почему я так поступила тогда? Сейчас за одну только возможность взглянуть на него, я отдала бы собственную жизнь... Только когда хлопнула входная дверь я вышла из своего укрытия. Я приятно удивилась, когда поняла, что он вымыл за собой всю посуду, оставив на кухне идеальный порядок. Тот день мне запомнился особенно хорошо, потому что через час после ухода брата, раздался дверной звонок. Какие-то люди в рабочей одежде внесли к нам в квартиру белое пианино. На так себе английском я объяснила, что его нужно установить в моей комнате. Мне сунули какие-то бумаги, я расписалась и выпроводила незваных гостей. Мой Дима. Мой любимый. Он позвонил мне, и спросил:

– Ты же больше не будешь дуть на меня, свои очаровательные губки? – спросил он. Так и сказал. Очаровательные. Я смутилась тогда... Меня даже не целовал никто раньше.

– На этот раз ты прощен, – шутила ответила я.

– Сегодня ужин можно накрывать на троих, пташка. У нас будет гость. До вечера.

– До вечера, – ответила я. В тот же день, мне привезли всю мою одежду, старательно уложенную тетей Глашей в чемоданы. Я накрыла ужин на троих и старательно собиралась к приходу Димы. Короткие шорты и приталенная футболка, но особое внимание я уделила своему лицу, и волосам. От природы они у меня вились, верхнюю часть я уложила в высокую прическу, и теперь крупные локоны, черным каскадом спускались на остальные волосы, которые достигали поясницы. Удлинив ресницы тушью, и подкрасив губы я осталась довольна собой. Когда Дима вошел на кухню со своей рыжей невестой, по имени Джейн, я впервые почувствовала укол... ревности. Тогда, я не особо различала все чувства свойственные влюбленности. Помню, как было мне неприятно. Об этом "почти" я писала ранее. Я считала себя лучше нее. И до сих пор так считаю! Она была рыжей, и плоской девушкой. Ее лицо, покрытое веснушками, всегда выражало лишь пренебрежение ко мне. Я знаю. Но обо всем по порядку... Сначала Джейн любезно улыбалась. Узнав, что я еще мало живу среди англоговорящих, она общалась со мной словно с полоумной. Разделяя слова на слоги, она будто, с ребенком говорила со мной. Мне было не ловко сказать ей, чтобы та прекратила, но встречая хмурый взгляд брата, я понимала, что ему стыдно за поведение своей невесты. Но весь вечер мы говорили на английском, и я подмечала, что произношение у Димы идеальное.

– Как долго ты пробудешь с братом? – спрашивала Джейн. А я лишь неловко пожимала плечами, что абсолютно не нравилось невесте моего брата. Она недовольно хмыкнула, и я

посмотрела на Диму, ища поддержки. Но он молчал, поедая свой ужин.

– И когда же ждать вашу свадьбу? – спросила я.

– Мы не решили еще, – говорил Дима.

– Я бы хотела как можно скорее, – говорила Джейн. Бросая томные взгляды в сторону Димы, она сказала:

– Мне просто не терпится стать твоею женой. После ужина мы с Джейн цедили вино из бокалов, все так же продолжая вымученную беседу. Когда рыжая невеста задала вопрос, который видимо, расставил для нее все точки над *i*, я заметила, как напрягся Дима, сжимая и разжимая ладони он заерзал на стуле. После хождения вокруг да около, Джейн спросила:

– Вы же не родные друг другу?

– Нет, – отвечала я, – мы не кровные родственники.

Понимая, что Джейн выпросила все что хотела, я оставила нашу скромную компанию и принялась мыть посуду. Дима тактично выпроводил свою невесту, которая, как я слышала вовсе не хотела уходить, и вернулся ко мне. Я тогда, взглянула на него и поняла, что ничегошеньки не знаю о его жизни помимо того, что он стал очень красив.

– Как ты жил эти десять лет? – спросила я. Он учился в Манчестерском университете, на направлении экономики. Сначала занимался недвижимостью отца в Лондоне, которое сдается лишь в аренду юридическим лицам, а когда заработал свой собственный капитал, купил 50% акций малоизвестной судостроительной американской компании, теперь, когда он получает стабильный доход, подумывает об отельном бизнесе в Европе. Это впечатлило меня тогда. Я подумала о том, что мой брат умный и серьезный мужчина, раз так много добился. Папа помогал первое время, но лишь с тем, что дал ему возможность раскрутиться на своем бизнесе. Он спросил меня о моей жизни. Говорить особо было нечего, но я рассказывала все, что вспоминалось мне. Он улыбался, глядя на меня, а я улыбалась ему. Мы просидели так несколько часов говоря обо всем подряд и не о чем в особенности. Много сигарет было выкурено и сказано много слов. Потом он спросил:

– Ты сыграешь для меня?

– Ты не забыл.

– Нет пташка, ты долбила по клавишам так, что я вряд ли смог бы забыть. Я смеялась его шуткам, громко запрокидывая голову назад. Нам было так легко вместе. Мы словно стали старыми друзьями, которые встретились через много лет... И не могли наговориться друг с другом. Он сидел на кровати пока я исполняла для него Моцарта, Бетховена, особенно ему нравился Бах, но только в моем исполнении. Так он говорил мне. В порыве благодарности я обняла его и поцеловала в щеку. Он, поглаживая меня по спине сказал:

– Спасибо за вечер, пташка. Спокойной ночи. Я воспроизвожу в голове его голос, и на мои глаза наворачиваются слезы. Мне так не хватает тебя, любимый... Следующий день я бродила по городу, так как дома заняться мне было нечем. Я как сейчас помню, как пряталась от дождя под крышей какого-то паба, зазвонил мобильный и Дима сказал, что сегодня он домой не вернется. Он остался у Джейн. Я скучала по нему. Той ночью я так и не вернулась домой. В метро я познакомилась с какими-то музыкантами, которые собирали себе деньги на первую студийную запись. Трое ребят барабанщик, гитарист, клавишник и девушка солист. У них были не дурные песни, скажу я вам. Пол ночи мы пели, потом на их старенькой машине катались по ночному городу. Наконец я увидела Биг-Бен и прокатилась раз на лондонском Глазу. Хороший был вечер, жаль, что Димы тогда не оказалось рядом. На рассвете я, наконец, вернулась в пустую квартиру брата. Раза четыре в неделю я оставалась

совершенно одна, и мне это совсем не нравилось. Я хотела, чтобы Дима нуждался в моей компании так же, как и я в его. Я хотела, чтобы он был со мной. Только со мной. Порой я думала, что он попусту растрчивает свою красоту на эту рыжую корову. Зачем? Меня радовал тот факт, что где бы он ни был, он обязательно звонил мне. Все чаще и чаще. Даже просто пожелать спокойной ночи. Но мне казалось этого мало. Я не могла отвязаться от чувства, что хочу быть более значимой. И я совсем не хотела, быть младшей сестрой... Так прошел почти месяц. Однажды утром, когда он уплетал свой завтрак я спросила его, где он останется сегодня. Я сказала это резко. Он внимательно воззрился на меня, а я злилась, что он смотрит на меня, как на вредного ребенка.

– Что-то не так, пташка?

– Мне тут хоть от тоски вой. За исключением нескольких совместных ужинов, ты все время где-то пропадаешь.

– Я бываю лишь на работе и у Джейн. Мне хотелось топтать ногами от досады.

Я хотела вскричать: " Вот именно, у своей, фууу невесты". Но я молчала, понимая, что перегибаю палку.

– Окей, пташка, сегодня я весь твой. Я помню, как не сдержала победной улыбки. Мне кажется, что тогда он уже все понимал. Он раскусил меня, словно белка орех. Но мне было все равно. Я хотела, чтоб Дима был со мной. Я хотела, чтобы он стал моим и только...

В тот вечер, мы ели покупную пиццу и смотрели комедию. Мы сидели очень близко, и я вдыхала его аромат глубже. Я любила его запах. Запах его одеколona. Запах его сигарет. Я наслаждалась его близостью, откровенно и бесстыдно говорю вам об этом. Я влюбилась в собственного брата. И до сих пор я люблю. И всегда буду любить, при любых обстоятельствах... При любых. Я заснула на его плече, и он отнес меня в мою комнату. Я помню это. Я все помню. Следующей ночью, я снова была одна. Я помню, как впервые вошла в его комнату. Открыла Димин шкаф, и достала оттуда одну из его рубашек. Я легла в его постель, обнимая его вещь, выжимая из нее весь запах, который я так любила. Так я спала, пока он пропадал у своей невесты. Это был обязательный ритуал. Всегда. Я представляла, что он здесь, со мной... Еще через пару недель я стала замечать, что он все чаще остается дома. Раз в неделю к нам приходила Джейн, но отношения их казались мне натянутыми. Я это чувствовала, а внутри у меня все ликовало. Мы чаще оставались с Димой дома, и после ужина я либо играла для него, или же мы смотрели фильм. Он все так же и оставался для меня старшим братом, но он был рядом и этого вполне хватало. Как-то вечером после ужина, Джейн предложила нам сходить в караоке бар. Я помню, как тщательно выбирала платье. Я всегда теперь выглядела хорошо, для Димы, конечно. Но в тот вечер я хотела, быть еще более привлекательной. То было красное, короткое платье, которое бессовестно обтягивало мою фигуру. На ногах черные туфли на высоком каблуке в руках черный клатч. Я заплела волосы в высокий конский хвост, накрашила губы красной помадой. Мой образ выглядел дерзко и смело как для семнадцати лет, но я хотела, чтобы взгляд Димы был прикован лишь ко мне... Так, собственно, и случилось, когда я вышла из комнаты... Ох, я помню блеск его глаз. Его я видела впервые. Тогда-то я и поняла, что план мой удался. Лицо Джейн застыло в немом изумлении. От злости она покраснела как рак, и пошла к выходу. Дима предложил мне руку, и я обвела её своею:

– Ты, пташка, выглядишь очень смело.

– Будем считать это комплиментом, – сказала я тогда.

По мимо нас троих в бар с нами пришли общие друзья Димы и Джейн. Молодая

супружеская пара Крис и Эми. Они были милыми. Мило улыбались, расспрашивая меня о всяких глупостях. Мы сидели за столиком прямо перед сценой, и я видела всех исполняющих. Кто-то пел очень даже недурно, а кто-то и совсем ужасно. Тем не менее публика всех провожала громкими аплодисментами. Везде царил атмосфера веселья, и я, выпивая бокал за бокалом, тоже набирала обороты. Со мной общались иногда, из вежливости, но большую часть вечера я сидела, молча наблюдая за людьми. Дима вел активный разговор с друзьями, но я видела, как смотрел он в мою сторону. Почти всегда он заглядывал мне в глаза, время от времени улыбаясь, и я отвечала ему тем же. Наконец набравшись смелости из своего бокала я пошла на сцену. Я публики не боялась, к ней была привыкшая с детства, я хотела, чтобы Дима оценил меня по достоинству. Я выбрала песню, которую пела когда-то дома, тренируя голос. Это была песня Barbra Streisand – Woman In Love. Мне нравилась эта песня, я любила ее за смысл и посыл, который она таила в себе. Я хотела, чтобы брат знал о моих чувствах, и выразить могла это лишь пением. Я помню, как пела, и все в зале слушали меня. Молча. Никто не говорил. Я видела Диму, я смотрела на него. Не всегда. Стараясь совсем уж не прогорать. Он так хмурился, но не отводил от меня взора. А я откровенно соблазняла его своей песней, и легкими кокетливыми движениями. Я с легкостью брала высокие аккорды и откровенно наслаждалась своим пением. Я хорошо пою, – уверяла я себя. Мне так говорили. Когда я наконец умолкла, в зале обрушился шквал аплодисментов. Очень долгих. А я, широко улыбаясь всем и лишь ему, тяжело дышала. Дима аплодировал вместе со всеми и блеск в его глазах становился все ярче. Даже Джейн похлопала. Мне было очень приятно, ловить на себе восхищенные взгляды мужчин и женщин. Когда я наконец присела за наш столик Дима подсел ближе и зашептал мне на ухо:

– Моя пташка, ты просто божественно поешь. Я очень удивлен. Я осмелела, то ли от выпитого алкоголя, то ли от эйфории выступления, я ответила ему тогда:

– Я могу петь для тебя вечно.

Он не ответил мне ничего, он просто ушел курить. Некоторое время спустя какой-то парень со сцены попросил меня спеть еще раз. Я выбрала песню Roxette – Crash! Boom! Bang! И вот я вновь запела. Я смотрела как Дима встал, приглашая Джейн потанцевать с ним. А я все пела, хотя внутри все начинало дрожать от обиды. На длинном проигрыше тот самый неизвестный парень заскочил ко мне на небольшую сцену, и я уже танцевала с ним. В его объятиях я и закончила петь. Он помог мне сойти со сцены и провел до столика, поцеловав на прощание кончики моих пальцев. В ту ночь Дима остался ночевать у Джейн. Я все так же по привычке легла спать в его постели в обнимку с его рубашкой. Следующие три вечера подряд мы были вместе. Катались по вечернему городу, ужинали в разных кафе, болтали о всяком, смотрели мелодрамы, ходили по разным достопримечательностям, пели в домашнее караоке. Ну в основном пела я, а он завороченно смотрел на меня тогда. Дима стал намного раньше возвращаться с работы и меня это только радовало. Однажды мы вместе заснули перед телевизором. А проснулась я, уже лежа на его груди. Это было неловко, но только для него... Тогда я впервые узнала о мужской утренней эрекции. Я смотрела, не понимая почему, Дима так странно и быстро удалился в ванную. Так прошел второй месяц, но счастье было лишь впереди. Мы мало по малу привыкли друг к другу. И сейчас, я с уверенностью скажу, что никто не знает Диму так, как знаю его я. Привычки, повадки... Иногда глядя на него, я знала, что он произнесет в следующее мгновение. Мне казалось, что я дышу в унисон с ним... Возможно так и было. Однажды он позвонил мне предупредить, что останется у Джейн. Я расстроилась, и по привычке улеглась спать в его постели. Помню, что меня

разбудил свет, который Дима включил, когда вошел в свою комнату. Я перепугалась, от того, что меня застали на горячем.

– Почему ты здесь, пташка? – спросил он. Я не хотела юлить. Я решила сказать правду, какой бы некрасивой он не была.

– Я скучала. И всегда скучаю, когда тебя нет рядом. Он сел на кровать.

– И рубашка помогает тебе? – спросил он.

Я утвердительно кивнула. Я помню, как он шумно выдохнул, и прошептал: – Я так больше не могу. Он поцеловал меня. По-настоящему. Как мужчина целует женщину. Я помню, как дрожала, когда Дима, посадив меня к себе на колени расцеловывал мое лицо. Я была счастлива. Я была безумно счастлива...

Глава 3

Я соблазняла его. И я добила своего Димы. Он стал моим окончательно и бесповоротно, – так тешила я свои мечты. Он был нежным со мной, и моё сердце наполняется сладкой истомой от одних лишь воспоминаний. В ту ночь, когда брат застал меня в своей комнате... Он взял меня, со все лаской, на которую был способен.

– А как же Джейн? – я не могла не спросить.

– С ней покончено, моя пташка. Я дрожала в Диминых объятиях, но мои руки бесстыдно стягивали с него одежду. Я была девственницей. Даже ни разу не целованной. Я видела, что страсть захлестнула его – это читалось в глазах. Дима, не стесняясь целовал мою грудь, а я лишь задыхалась от сладкой боли, которая сильнее разгоралась внутри меня. Помню, как лежала под братом, в его постели и стонала от наслаждения, а он все сильнее впивался губами мне в кожу. Прижимая его сильно тело к себе, мне казалось, что лучше этого быть просто не может. Я казалась себе жалкой малявкой, по сравнению с его мощью и силой. А он все продолжал истязать меня... Я знала самую малость о строении мужского тела, но этого оказалось недостаточно. Я была неопытна, а он любил меня все откровение... Когда его губы коснулись, меня... То есть, когда он стал целовать меня между ног, я потеряла ориентировку в пространстве. Стоны вылетали из самой глубины меня, и я шептала ему о любви.

– Я люблю тебя, я люблю тебя... – все громче, и громче повторяла я. В момент я испытала наслаждение неведомой силы, тело мое свело страстной судорогой – то был мой первый оргазм. Дима, подготовил мое тело... После он лег между моих ног, и я уже поняла, что должно произойти дальше. Его член легко скользнул внутрь, так как я давно уже была мокрой и готовой к нашей первой, полной близости. Он крепко поцеловал меня... Прижимая к себе мое тело, он прошептал:

– Прости, пташка. Я тогда не совсем этого поняла. Мне не было больно. Нежно, трепетно, но не больно. Его движения становились требовательнее, он входил все глубже и глубже, а я стонала как не в себя, потому что на меня с новой силой накатывал второй оргазм. Я помню, как пульсировал его член, изливая в меня свою страсть, тогда я кончила второй раз, и притихла, боясь взглянуть на брата. Мне было стыдно. От наготы, или от моего развязного поведения. Я боялась его осуждения. Я прижала ладони к пояснице Димы, удерживая брата, и пряча лицо в его широкой груди, я сказала:

– Побудь во мне, пожалуйста.

– Ты сводишь меня с ума, пташка. Я люблю тебя. Черт, как же сильно я тебя люблю.

Это ли не счастье? Засыпать в объятиях дорого вам человека, чувствуя запах его кожи, его тепло, его руки на своем животе. Это ли не счастье, быть с тем, с кем тебе суждено, предначертано с выше, и ты знаешь об этом, наверняка. Есть только вы вдвоем, и больше никого и ничего не нужно. Сейчас я понимаю, это как никогда раньше. Я ценила, каждый момент, каждую ласку, каждое прикосновение, но оставшись одна, мне кажется, что этого было недостаточно. Я мало любила его, нужно было делать это сильнее, запоминать лучше... Чтобы навсегда сохранить любимого в сердце. Навсегда. Теперь я знаю точно, любовь – это боль, которая оставляет лишь шрамы. Мы с Димой были счастливы следующим утром. Я помню, как громко хохотала, когда он кружил меня на руках, попутно неся меня на кухню, чтобы накормить завтраком, приготовленным им самим. Теперь я прикасалась к нему, когда пожелала, а он, прижимая мою ладонь к своему лицу наблюдал, как я пытаюсь есть одной, свободной рукой. Он любил меня, даже взглядом, и я помню это. Каждую его белозубую улыбку. Потом был совместный душ... И снова нежный секс. Крепкие поцелуи, слова любви... Я все помню. В тот день Дима ушел на работу, а я пошла в тот, знакомый мне супермаркет, прикупить что-нибудь к ужину. Я хотела, сделать его романтичным. Я шла домой из магазина, когда увидела пожилую женщину на краю дороги. В руках дама держала маленького, черненького котенка. На вид ему было не более месяца, бедняга был грязным и худым, он все время мяукал, цепляясь коготками за пальто пожилой леди. Женщина предлагала бедолагу проходим, но люди, отворачиваясь, спешили по своим делам. Как вы уже поняли, я мимо пройти не смогла. Будучи дома, я усадила котенка на стол внимательно разглядывая его на наличие кожной заразы. Но малыш был здоров, за исключением, конечно, болезненной худобы. Я со знанием дела осмотрела его, и малыш оказался с мужским началом. Он был таким неказистым, неловко перебирая лапками, вышагивал по столу, а я следила за ним обдумывая, что же все-таки сказать Диме, и чем кормить нашего нового соседа. Бросать котенка дома и снова идти в магазин я не хотела, поэтому заказала все нужное в интернете. В течение получаса прибыло все необходимое. Я помню, как хлопнула входная дверь, и в испуге я спрятала маленький сюрприз за спину. Этот говнюк выдал нас своим мяуканьем.

– Это то, о чем я думаю, пташка? – спросил Дима, вопросительно вскидывая бровь. – Я надеюсь у тебя нет аллергии на шерсть? Мне бы не хотелось отдавать его в приют, – отвечала я тогда. Пушок остался с нами. И вместо романтического ужина мы пол вечера возились с блохами, показывали котенку место для нужд и просто играли с ним как малые дети. Позже котенок уснул у Димы на плече... Это было очень мило.

– Ты почти как пират, только вместо попугая на плече у тебя будет Пушок, гроза сосисок и теплого молока, – смеялась я.

Нам было хорошо вместе, очень хорошо. В тот вечер Дима положил передо мною противозачаточные таблетки. Я скажу откровенно, частенько забывала их принимать. Он сидел, задумчиво глядя на меня, пока я разворачивала инструкцию. Я спросила тогда:

– О чем ты задумался?

– О том, что ты моя младшая сестра.

– Ты же знаешь, что это не совсем так. Мы не кровные, а значит не совершили ничего греховного. Так мы успокаивали свою совесть. Точнее, мне было плевать на предрассудки, но Дима... он успокаивал себя именно так. Тем не менее волю своим чувствам мы давали лишь за закрытыми дверями. Был единственный раз исключение. Когда, наш питомец подрос, и мы без страха могли оставить его одного, Дима повел в меня в ресторан. Я, сказать

по правде, таких мест не посещала, поэтому официоз давил на меня, и на моего брата, я думаю тоже. Ужин при свечах, романтика и прочее, но я не могла хохотать в голос и все время прикладывала салфетку ко рту, чтобы не смеяться шуткам Димы, и не смущать сидящих рядом, напыщенных гостей. Я и Дима чувствовали себя намного комфортнее в лёгкой обстановке, и поэтому наспех перекусив мы уже тащились по городским улицам давая свободу своим эмоциям. Так мы и набрали на какой-то захудалый клуб, с громкой музыкой и шумною толпой. Здесь было повеселей и напившись виски, я утянула брата на танцпол. Все было замечательно... Сначала играла ритмичная музыка, и мы откровенно дурачились, а после зазвучал божественный голос Брайана Адамса с композицией Please, forgive me. Это самая прекрасная песня из всех, которых я когда-либо слышала. Дима обнял меня тогда, и мы закружились в такт музыке. Если кто и смотрел на нас тогда, они видели влюбленную пару, которая откровенно наслаждалась моментом близости. Брат крепче прижал меня к своей груди, так что я едва доставала ногами пола, он сказал:

– Я люблю тебя, пташка. Больше жизни, люблю. А я, пряча лицо у него в груди, разревелась, как дура. Мои чувства были сильнее меня, и я не могла совладать с ними.

– Я люблю тебя, – отвечала я, – так сильно, что мне не хватает тебя, даже когда ты так близко, – говорила я, расцеловывая его грудь, шею, подбородок, все до чего я могла дотянуться. Прижав мою голову к себе, Дима чмокнул меня в макушку, продолжая танцевать... До самого конца танца, мой брат поглаживал меня по щеке большим пальцем, передавая мне свое успокаивающее тепло. Я плачу, вспоминая то время, тот час, то мгновение, которое кануло в прошлое, и никогда уже не вернется ко мне. Вечер наш закончился в постели, где мы дарили друг другу нежные поцелуи, вкушая запретный плод нашей любви. Каждую ночь, мы не могли насытиться близостью наших тел. В объятиях своего брата я познавала его трепетную любовь, его тело и теперь мне не хватает этих уроков.

– Я люблю тебя, моя сладкая пташка, – говорил он мне каждый раз, перед сном. Всегда, он шептал мне слова любви, пока я наконец не засыпала. То была большая любовь. Несравнимая ни с чем. Мы дышали в унисон, наши сердца пульсировали в одном ритме, и даже наши мысли всегда совпадали. Не смотря на разницу в десять лет, мы понимали друг друга с полуслова. Всегда. Наша идиллия была настоящей, какой не бывает, наверное, ни у одной семейной пары. Лишь единицы из миллионов находят себе настоящую пару. И мы с Димой были из числа тех самых единиц. Я знала это уже тогда, и до сих пор уверена – мы были созданы друг для друга, как небо и земля, солнце и луна. Я довольно долго собиралась задать Диме вопросы по поводу его отношений с отцом. В один из вечеров, поглаживая Пушка, уснувшего на моих коленях, я как бы невзначай спросила:

– Дим.

– Ммм... – мычал он, затягиваясь сигаретой.

– Почему ты никогда не приезжал к нам с папой?

Он долго думал, прежде чем ответить.

– Твой папа, и мой отец, был не всегда таким хорошим, каким ты запомнила его, пташка. До твоего появления, в нашей семье было много неприятностей. В большей степени виновником был мой отец. Всю жизнь, что прожили мои родители вместе, отец изменял маме. Он откровенно в этом признавался, а мама...– он запнулся, – у нее были жуткие истерики. Она любила его, и это свело ее в могилу.

Я, наверное, побледнела тогда, потому что Дима обнял меня и сказал:

– Такая жизнь, птишка. В этом мире нет идеальных людей. Я молчала, потому как была шокирована услышанным. Как же так, папа? Но Дима, решил видимо рассказать всю правду, он продолжил:

– Мама забеременела в сорок лет. Врачи предупреждали ее о рисках, но она твердо решила рожать. Мне казалось, что возможно теперь наша жизнь наладится, – брат хмыкнул, – но отец... Был тем еще, подонком. Когда мама узнала, о очередной его интрижке у нее случился выкидыш. Девочка умерла, так как родилась недоношенной. Роды прошли тяжело, но мама пошла на поправку. Отец приполз к ее ногам, и она простила его, снова. Та беременность плохо сказалась на ее здоровье. Сначала онкология груди... Мы боролись и мама, казалось, вернулась к жизни. Она захотела удочерить девочку. Она всегда хотела иметь дочь. Появилась ты, и жизнь в нашем доме заиграла другими красками, но спустя полгода... ты же помнишь?

Дима утирал мне слезы, а я все никак не могла остановиться. Моя бедная мама Оля. Я даже никогда не могла предположить такое. Я сунула лицо в область Диминой шеи, и заикаясь ответила: – Я все помню. Теперь я все понимаю.

– Ты крепко взяла меня за руку и спросила "мама Оля умирает?"

– А ты сказал "да, птишка".

– Ты плакала тогда, прямо как сейчас, а я все никак не мог тебя успокоить. Мой любимый. Он так трогательно подставлял мне свое плечо, чтобы я могла поплакать как следует, а потом поцелуями утирая мои слезы, он уносил меня в нашу спальню. Где мы, предаваясь сексу забывали обо всем на свете. Я помню, как обильно он кончал в меня. Мне нравилось это. Наши тела словно гармонировали, я знала каждый его изгиб, чувствовала каждое желание, ловила каждый вздох. В середине мая Дима предложил мне уехать.

– Давай уедем куда-нибудь, – сказал он.

– А как же Пушок?

– Возьмем с собой и рванем на край земли.

– Прямо – таки на край? Ладно, – соглашалась я, – с тобой хоть край.

Вы когда-нибудь бывали в Шотландии? Нет? Если появиться такая возможность, не стоит даже размышлять. Это старинное, и такое потрясающее место должен увидеть каждый. Мы решили ехать поездом и это было лучшей идеей, которая пришла нам в голову. Английский ландшафт за окном нашего купе, радовал глаз своей неповторимой величественной гармонией. Пушок, на наше с братом удивление и радость, вел себя весьма прилично. Так как ехали мы с пересадками, то спокойно выгуливали его на кошачьем поводке, кормили и дальше отправлялись в путь, который он практически весь проспал. Мы, наверное, выглядели странной компанией, но нам было все равно. Я была счастлива и мне было все равно, что думают о нас окружающие. Конечно, мы с Димой держались в рамках приличия, но я не упускала момента прикоснуться к нему, лишь на мгновение. Первая остановка была в дереве Гретна-Грин.

– В этом месте пару столетий назад венчались сбежавшие влюбленные со всей Англии. Это были люди либо не достигшие брачного возраста или пары, родители которых не давали согласие на брак, – рассказывал мне Дима. Я не знала об этом. Я многого не знала, но мой брат любезно посвящал меня в тонкости истории разных мест встречавшимся на по пути. Он очень умный, мой Дима. В той деревушке мы пробыли лишь пару дней и двинулись дальше, к Эдинбургу. Мне понравилось там даже больше, чем в Лондоне. Обладая таким богатым всемирным наследием, этот город казался сказочным. Будто сошедший из страниц книг,

которые я читала в детстве. Дима, таскал меня за руку от рассвета до заката, по разным красотам. Мы не однократно терялись, но кого это волновало? Когда ты находишься в столь красивом городе, тебе следует обязательно забыть дорогу назад как отелю, чтобы как следует впитать в себя все то, что встречается на вашем пути. И если вы больше никогда туда не вернетесь, то сможете в памяти воспроизвести былые приключения. Далее следовал Инвернесс, и чем дальше мы заезжали, тем сильнее менялся ландшафт. Зеленые горы, холмы, поразили меня величиим, им словно не было конца, они простирались далеко за горизонт, сливаясь в единое целое с безоблачным небом. Я неотрывно смотрела в окно поезда, каждый раз все сильнее поражаясь красоте нашего мира. Дима следил за мной улыбаясь, он говорил:

– Как же ты еще юная, пташка. Иногда, я завидую твоей непосредственности.

– Такой я останусь всегда, – отвечала я. В Инвернесе мы остановились в маленьком уютном отеле, вдаль от города. На дома и огромные замки мы успели насмотреться вдоволь. Мы хотели слиться с природой, и потому целыми днями уходили подальше от людей, ближе к горным ручьям и живописным видам. Устраивая мини пикники с простой пищей и национальным шотландским ликером, мы наслаждались обществом друг друга, просто молча отдыхая на склоне холма. В один из таких дней, Дима притянул к отелю лошадь Белого жеребца. Стоя на крыльце отеля, я наблюдала за братом, который восседал на коне, словно рыцарь королевской гвардии. Конечно, в рамках города, пусть даже и самой окраины, это выглядело весьма колоритно, но он был так красив.

– Ты не смог найти нам машину? Или решил завести себе нового друга? Бедный Пушок, он не перенесет твоего предательства! – смеялась я.

– Там куда мы поедем пташка, нет дорог.

Дима умел кататься верхом еще со студенческих времен. Он с легкостью усадил меня перед собой, и мы пустились вскачь. Ветер развивал мои волосы, подбрасывая их в лицо брату. Он плевался словно старый, ворчливый верблюд, а я только хохотала, пытаюсь сдерживать свои локоны на месте. Мы просто мчали вперед, не разбирая дороги, и первое что встретили на своем пути стало место Битвы при Куллодене. Тут мы остановились, и бродя по заросшему вереском полю, натыкались на надгробные камни, которые грозно оплакивали не отдельных людей, а целые кланы шотландских семей. Папа рассказывал мне о Якобинском восстании, но я не придавала значения жертвам, павшим при этой фатальной войне. Когда ты лицом к лицу встречаешься с местом, которое хранит память о погибших, все воспринимается совершенно иначе. Мы ускакали, оставляя за плечами то грустное место, вновь навстречу ветру и чувству безграничной свободы.

– Куда мы направляемся? – спрашивала я.

– На край света, – отвечал Дима, нежно целуя меня в шею. Я думала он говорит это совсем не всерьез, но, когда на горизонте я увидела морские просторы, поняла, что мы достигли самого края. Сидя на коне, мы добрались до самой высшей точки земли. В метре от нас был лишь обрыв, который угрожающе навис над морской гладью.

– Вот он и край земли, пташка, – говорил Дима. Я лишь глубже вдыхала морской воздух наблюдая за тем, как розовый закат, играя красками, дарил мне чувства нереальности происходящего. Иногда, я думаю, что-то время было сном, лишь плодом моей больной фантазии... Мы сидели на самом краю, свесив ноги с обрыва. Дима задумчиво тянул сигарету, он тогда сказал:

– Твои глаза цвета моря.

– Давай останемся тут навсегда, – просила я.

– Когда-нибудь мы обязательно вернёмся, пташка.

Он поцеловал внутреннюю сторону моей ладони и прошептал:

– Я люблю тебя, моя сладкая, прелестная девочка. Спой для меня.

Мне вспомнилась одна песня, и запела, сначала тихо, а после все громче, так, что голос мой уносил ветер, наверное, на несколько миль назад.

Oceans apart day after day

And I slowly go insane

I hear your voice on the line

But it doesn't stop the pain

If I see you next to never

How can we say forever

Wherever you go

Whatever you do

I will be right here waiting for you

Whatever it takes

Or how my heart breaks

I will be right here waiting for you

by Richard Marx

Дима держал мою руку, вслушиваясь так, будто слышал меня впервые. Когда я закончила петь он поцеловал меня. Сначала нежно, но становясь все более требовательным, я уже знала, что наши тела вновь требовали друг друга. Я села сверху на него, желая подчинить себе его мужское начало. Уже в который раз пробуя на вкус его кожу, я чувствовала не насыщения. Я изучила его целиком и полностью, но каждый раз это было словно впервые. Я откровенно ерзала попой в области паха, и ощущала всю силу его возбуждения. Когда мой брат, попытался взять инициативу в свои руки, я протестующе воскликнула и прижала его запястья к траве. Я сама расстегнула ширинку его штанов, высвобождая наконец набухшую плоть и сжимая ее в кулак. Дима издал хриплый стон, и я поняла, что ждать больше не стоит. Подняв своё платье на талию, и отодвинув трусики в бок, я направила горячий член моего брата внутрь себя. Я вбирала его в себя максимально глубоко... и медленно. Я знаю, что этим свожу Диму с ума, но я хотела как можно дольше насладиться моментом этой волшебной близости. Он сам привил мне умение наслаждаться близостью, а не только лишь кульминацией... Наша интимность была нечто большим, чем просто секс. Искусство любви – возможно, но в тот же момент это было чем-то духовным. Тайнством, которое я познала в объятиях своего любимого брата. Мы кончили одновременно, и я в полнейшем бессилии упала на грудь брата. Мы лежали на шелковистой траве и наблюдали как на небе зажигаются звезды. Мы словно взаправду находились на краю земли, и мы были вместе, а большего нам и не требовалось. Я точно знаю, счастье существует. Я познала его, но теперь никак не могу смириться с потерей. Если бы я знала, что нас ждет впереди, то ползала бы у Димы в ногах уговаривая остаться со мной на краю земли. И он бы остался, точно знаю. Мы приехали в Лондон в июле. Дима сказал, что теперь нам предстоит вернуться в родительский дом, так как адвокат папы, должен был зачитать

нам, его детям, завещание. Я хотела побыть дома некоторое время, увидеть тетю Глашу и просто осмотреть родные стены. Я любила этот дом, но еще больше я любила брата. Где был он, там была и я.

Глава 4

Я вернулась домой. Обнимая тетю Глашу, я наконец осознала как сильно скучала без неё.

– Моя ласточка, ты так повзрослела! – восклицала тётя Глаша. Мы с Димой сидели на кухне, а она крутилась вокруг нас с братом, пытаюсь угодить каждой прихоти желудка.

– Я думаю, дома никто ничего не должен знать о нас, – говорил брат, пока мы летели в самолёте. Мы все время переглядывались как нашкодившие дети. А тётя Глаша, словно не замечая, продолжала роптать вокруг. Я занималась самообманом, предполагая, что смогу обмануть эту умудренную опытом женщину. Я рассказывала ей, как хорошо мы проводили последние полтора месяца, а тётя Глаша улыбалась нам.

– Вы же останетесь хотя бы на недельку? – спрашивала она.

– Нет, мы и так долго были в разъездах, я должен вернуться к делам, – отвечал Дима. Чуть позже он сказал мне: – Если хочешь, можешь остаться тут ненадолго, пташка.

– Нет, – воскликнула я.

Тетя Глаша взглянула на меня тогда, словно понимая, что происходит. Но мне было все равно. Я не желала оставаться одной. Без Димы. Подливая тёплое молоко в блюдце Пушки, которого мы, конечно притащили с собой, я даже не догадывалась, что уже через пару часов, мы с Димой расстанемся навсегда. Приехал адвокат папы, мы проводили его в кабинет и уселись ожидая, когда тот наконец разложить все нужные ему бумаги на столе. Пройдя через всю процедуру официоза, адвокат стал зачитывать завещание. Все. Все, чем владел мой отец, доставалось мне. Имя Димы, упоминалось лишь в самом конце. Адвокат передал брату конверт с письмом. Вот и все. Один конверт. Я была потрясена, как мог отец так поступать с собственным сыном? Я знала, что являюсь его ребёнком, но ведь не родным, тем более я и так никогда и не в чем не нуждалась. Мне стало жаль брата.

– Разве это законно? – восклицала я. Бюрократ лишь снисходительно взглянул на меня, и я умолкла, наблюдая за тем, как Дима вскрывает конверт. Он уселся в дальнем углу комнаты, читая письмо, а я тем временем выпроводила адвоката, желая ему хорошего дня. Вернувшись к Диме, я застала его потрясенным. Его дрожащие руки сжимали письмо с такой силой, что мне едва удалось извлечь его. Я понимала, что-то слишком сильно огорчило Диму, но я даже не могла и мысли допустить. Я взглянула тогда и поняла – передо мною медицинское заключение. Димитрова Инна Александровна и Димитров Александр, вероятность отцовства 99.9% Второй листок был написан почерком отца. Он знал. Все знал с самого начала. Увидев меня, папа стал что-то подозревать, а когда навел справки о моей родной матери, сделал тест ДНК. Я оказалась родной по крови.

– Подонок, – говорила моя мама в сердцах. Теперь я наконец стала все осознавать. Я и Дима. Мама. Папа. Мне было тяжело, но я спокойно приняла тот факт, что мы с Димой родные... В отличии от него. Он курил, а я тихонько сидела рядом, боясь открыть рта. Выражение его лица пугало меня. Будь папа сейчас здесь, случилось бы непоправимое. Тетя Глаша вошла с подносом

– Я принесла вам чаю, мои дорогие. Что же вы, как с креста сняты? —спрашивала она.

Я слишком хорошо знала её, и поняла: тётя Глаша, почуяв неладное, решила проверить нас. Я отрицательно качнула головой, и старушка быстренько удалилась, оставив поднос на столе.

– Ты понимаешь, что мы совершили Инна?

Моё имя с его уст звучало так непривычно...

– Я люблю тебя, – сказала я, чтобы напомнить ему о том, что мы значили друг для друга всего час назад.

– Мы же не знали, – продолжала я, – и даже если бы я знала, я все равно полюбила бы тебя. Я хотела его обнять, но он остановил меня, удерживая мои руки он произнёс:

– Это противоестественно, Инна. Нам нельзя было. Нам нужно прекратить это. Ты понимаешь меня, пташка? – говорил он, смягчившись, потому как я начала плакать. Слёзы катились с глаз, а я никак не могла остановиться. Как прекратить? Я понимала, но внутри меня все отрицало его слова.

– Ты же любишь меня, Дима. Мы... Я стала заикаться от сотрясающих меня рыданий. Он, прижимая меня к себе, продолжал:

– Так не должно быть, пташка. Я не могу отнимать у тебя нормальную жизнь. Ты понимаешь? А я все плакала.

– Ты встретишь ещё хорошего человека. У тебя будет нормальная семья. В конце концов, у тебя будут нормальные дети. Ты понимаешь, Инна? Мораль и сама природа против нашего союза. Я должен прекратить это, пока не стало слишком поздно, – говорил он мне.

Словно я чужая. Посторонняя. Ненужная ему больше.

– Я прошу тебя, не оставляй меня. Дима, не оставляй меня, – рыдала я. Мой Дима. Мой любимый, пожалуйста. Я не верила в происходящее. Словно из сказки я попала в ужасную реальность, которая резала мою душу на части. Мне так тоскливо, я бы хотела передать свою боль словами, но не могу. Он ушёл и часть меня умерла. Я существую. Я больше не живу. И пусть меня осуждают, но всегда, при любых обстоятельствах, я бы сделала то, что сделала. Это так несправедливо, что я не могу быть с тем, кого люблю. И пусть это даже родной брат. Да хоть чёрт с рогами, кому какое дело? Но я потеряла Диму. Я потеряла его навсегда. Он ушёл, так быстро. Словно убежал от меня. Я тогда, окончательно потеряв гордость падая на колени, умоляла его не бросать меня. Тетя Глаша падая ко мне на пол, утешала меня. Он так быстро ушёл, словно испарился, оставляя меня, как ненужную, сломанную куклу.

– Поплачь, девочка, поплачь – говорила тётя Глаша, а цепляясь за неё рыдала, так, сильно, что и при желании не могла остановиться.

– Не бросай меня, не бросай меня, не бросай меня... – лихорадочно говорила я. Как будто это могло что-то изменить. Я плачу, вспоминая те моменты. Уже тихо и безмолвно. Я не могу смириться с этим до сих пор. Я пыталась, честное слово, пыталась, но не могу. Я тогда бесцельно проживала свою жизнь. Мне так жаль, что я не могу изменить прошлое... Как-то предотвратить весь тот кошмар, где я вновь осталась одна. Я не бедна, жизнь моя обустроена всеми материальными благами, которые можно лишь желать, но я была несчастна теперь. Глубоко несчастна. То время, что провела я с Димой, я нежно храню в памяти как старую киноленту. Я смотрю фильм, где я в главной роли и не верю, что жизнь так жестоко обходится с нами. Я не знаю где мой брат, но искренне надеюсь, что он в добром здравии и что он счастлив. Я не имела права требовать его любви, но я так её желала. И всегда буду. Я надеюсь, встретиться с ним через много лет, чтобы знать, как сложилась его жизнь. Я искренне желаю ему счастья несмотря на то, что несчастна сама. Я

очень жду той встречи, которая обязательно настанет. Я верю, что придёт время и мы снова увидимся, пусть даже как старые друзья и совсем ненадолго. Но я буду ждать. Обязательно буду ждать. Я уже который день лежала в своей постели не поднимаясь. Мне было плевать на людей вокруг, на солнце, которое встаёт по утрам, на Пушка, который своим жалобным мяуканьем пытался пробудить во мне чувство совести, заставить меня поиграть с ним. Я эгоистично игнорировала все вокруг и была поглощена своим горем. Господи, я плакала даже о запахе его сигарет. В те моменты я была согласна даже на рубашку. Его рубашку в моей постели. Мне казалось, смысл моей жизни утрачен навсегда. Каждый день тетя Глаша молча садилась рядом со мною и понимающие гладила моя голову.

– Ты бы поела, моя пташка, – говорила она.

– Тетя Глаша, никогда больше не называйте меня так.

Мне стыдно за фразу, которую я произнесла тогда. Я не имела права так говорить с человеком, который до сих пор остаётся моим ближайшим другом. Потом я просила у неё прощения:

– Простите меня, тётя Глаша. Все эти годы вы были мне мамой, а я так обидела вас, – плакала я у неё на плече.

– Ничего, ничего моя ласточка, я совсем не обижаюсь. Позже я все же стала спускаться к завтраку, помогать тете Глаше по кухне. Только вот есть я не могла. Меня мутило от одного только вида еды. Иногда меня рвало, в прямом смысле этого слова. Стоило чего-нибудь съесть и вот я уже неслась в первую же уборную. Но легче не становилось. Я спросила у тети Глаши:

– Вы же все понимаете? Она молча взирала на меня, – То есть, вы поняли, что я и Дима... – я запнулась, а женщина утвердительно покачала головой.

– Я много чего повидала в этой жизни, ласточка. Такое случается, не вы первые, не вы последние, – сказала она мне. Моя тётя Глаша, она всегда умела смягчить самую неприятную правду, сказав так, словно это и вовсе никакой не грех. Тошнота, головокружение, ноющая боль в животе донимали меня, но, когда я свалилась в обморок прямо на кухне тётя Глаша сказала:

– Сходи к врачу, девочка. Я почти уверенная, что ты в положении. То был конец августа, знойная жара стояла почти весь месяц. Я поехала в частную клинику, руки и ноги мои дрожали, когда врач осматривал меня. Все подтвердилось.

– Вы беременны, – сказала женщина врач. Она сделала моё первое УЗИ и подтвердила точный срок. Тогда это было шестнадцать недель. Я подсчитала, и выяснила, что забеременела почти сразу. Возможно даже в тот первый раз, когда брат застал меня в своей постели. Как же мне теперь? Куда идти? Что делать? Как воспитывать ребёнка? Я была потрясена. Тетя Глаша с порога все поняла:

– Ну и дров же вы наломали, детки, – говорила она, – ладно ты дуреха, но Диме двадцать семь, как никак.

– Это я виновата, тётя Глаша. Я не принимала таблеток. Она тогда пренебрежительно фыркнула:

– Таблетки, тоже мне, умники. Ну ничего милая, ничего, глядишь ребеночка родишь, смысл жизни появится. Ну ка, прекращай слёзы лить и подумай о том, что побережь себя надо.

– Как же мне Диме сказать?

– А никак. Ты думаешь, я больно старая и глупая, так вот нет. Вы когда уезжали ещё в

тот раз, он мне номера свои давал. Я уже все телефоны оборвала, нет его нигде.

Дима вычеркнул меня из своей жизни. Я больше не виню его за это. Тогда я опять расстроилась, я ведь так хотела, чтобы он знал. Я думала, что он прилетит в мои объятия и мы снова будем вместе. Но Димы нет. Оставалась лишь я, со своими нерешёнными проблемами. Теперь я понимаю, Дима сильнее меня духом, раз смог оставить все, разрушить наше счастье и забыть меня. Я же оказалась меланхоличной плаксой, которая держалась за осколки разбитого прошлого. В тот вечер, я начиналась в интернете всякого рода ужасов, по поводу детей, рожденных от кровных родственников. Я боялась, что с моим ребёнком что-то не так, и не спала тогда всю ночь, а утром первым же делом помчала в больницу. Мне предложили сдать анализ околоплодных вод, на выявление патологий разного происхождения. Я не хотела, чтобы врачи нарушали хрупкий покой моего ребёнка, но все же согласилась. Ответ пришёл через две недели. Длинная бумага, где расписано все по миллиметру, а внизу вывод: Никаких патологий не выявлено.

Я выдохнула, поглаживая свой чуть выпуклый живот. Мой ребёнок здоров. Чего ещё желать? Мне так хотелось сказать Диме как он был не прав. Я ждала ребёнка от брата, и он здоров. Мой малыш, будет нормальным, как он и говорил. " Вот же ирония, – думалось мне, – я росла, без мамы, ну почти, а мой ребёнок будет воспитываться без отца". Токсикоз у меня был жуткий. Я рвала, даже от воды. К холодильнику подойти не могла, так как запах стоял в нем ужасный. Каждую неделю я ездила к своему врачу, а она, взвешивая меня цокала, качая головой, потому как вес мой, при том, что живот постепенно рос, становился все меньше и меньше. Она назначила целую уйму капельниц и таблеток, и токсикоз постепенно стал отпускать меня. К октябрю я немного пришла в себя. Помню, как села за своё пианино, думая, что я уже вряд ли смогу играть. Но руки мои помнили, и теперь я играла моему малышу. Мальчик. Врачи сказали, что будет мальчик. Ванечка. Мой Ванечка, пинался только лишь заслышав первые звуки аккордов. Он любит музыку, – это мне известно наверняка. Я пою ему на ночь колыбельные, и он засыпает вместе со мною. Теперь я ещё и любила и своего сына. Я не знала о материнской любви ничего, но, когда впервые услышала шевеление внутри... Чувство, что ты делаешь что-то очень ответственное не покидало меня. Мы с Димой не просто любили, мы создали человека, со своим характером, судьбою. Ты понимаешь, что все происходящее, естественный процесс и в то же время, тебе кажется, что это нечто большее, особенное. Подарок с небес, который ты мало чем заслужил. Но я была благодарна судьбе за него. И сейчас, ожидая скорое рождения сына, я благодарю Бога за возможность, которую он мне послал. Возможность вновь жить и надеяться, на встречу с Димой, на то, что я буду матерью моему ребёнку, которого с нетерпением жду. Мне вновь хотелось быть нужной, но теперь уже Ванечке, который сейчас пинает меня изнутри. Я рассказала вам все, что случилось со мной откровенно, не утаивая ничего и мне стало легче. Я вновь оживаю, прямо сейчас. Глядя на то, как мимо меня проходят влюблённые пары, я вспоминаю Диму, но лишь с теплотой и трепетом. Снег сыплет крупными хлопьями мне в лицо, и я, вдыхая морозный воздух глубже, вновь радуюсь жизни. Только что я была в студии у старых друзей, они все шутили про арбуз под свитером, а я краснела, но ничего не отвечала. Я пришла к ним записать песню, ту самую, под которую мы с Димой впервые танцевали. Please Forgive Me – говорит она. Я сделала ему новогоднюю открытку и прикреплю к ней песню, которую перепела сама. Сначала я хотела написать ему сентиментальное письмо, но получалось у меня просто ужасно. А эта песня, полна жизни и очень правильных слов, которые я так хочу ему сказать. Если он когда-либо получит эту

запись, то все поймёт. Он обязательно меня поймет. Я шла вдоль витрин, которые слепили прохожих праздничной мишурой. Сегодня Новый год, и я как губка впитывают в себя праздничное настроение людей вокруг. Сейчас я удивляюсь многогранность нашей жизни, за падением, обязательно следует взлет, и у меня сейчас был взлет. Я вошла в пустой дом. Все домашние разошлись по домам, и в этот праздник я осталась со своим котом, который пугался в ногах прямо сейчас.

– Я обязательно тебя накормлю, милый, подожди. Я скинула пуховик, разулась и прошла в гостиную, где уже горела украшенная мной ёлка. Открытка для Димы уже лежала под праздничным деревом, и я прикрепила к ней флешку с записью. Я приготовила пару новогодних салатов, покормила Пушка и уселась перед телевизором ожидая куранты. В свой бокал вместо традиционного шампанского, я налила яблочный сок.

– Довольно неплохо, – произнесла я вслух и приступила к поеданию салатов. Мне было одиноко, но совсем чуть-чуть. После речи президента, с телевизора вновь запели звезды голубого огонька. Не много посидев, я пошла на второй этаж сыграть на пианино и устроить себе свой огонек. Я застучала по клавишам, слушая как дом наполняется живыми звуками. Топот ног отвлек меня, но я не успела оглянуться, чтобы понять происходящего. Один из двоих людей в масках Санта Клауса грубо схватил меня за волосы. Мне делали больно и волокли к лестнице, но я не понимала, что это за люди, и чего они хотят. Грабители, первое что пришло мне в голову.

– Если вам нужны деньги, я отдам их вам все, только отпустите – взмолилась я. Ребенок внутри меня забеспокоился, и я инстинктивно защищала свой живот рукой.

– Нет, – ответил мне грубый голос мужчины. Он со всей силы толкнул меня, и я ударилась животом об перила лестницы, ведущий на первый этаж. Мне стало страшно. Панический страх за ребенка вцепился в мою глотку, и я кричала:

– Не трогайте меня, прошу вас, не трогайте.

– Ты подпишешь вот эту бумагу, и мы, быть может, уйдем, – кривлял меня второй из них.

– Я подпишу, – уже спокойней заговорила я. Они сунули мне какой-то документ и ручку. Мой пальцы не слушались меня, но я усилием воли вывела свое имя и фамилию, подставляя вторую дрожащую ладонь, для удобства.

– Вот, – протянула я им бумагу. В надежде, что это все, что от меня требовалось, я стала себя успокаивать. Сейчас они уйдут, и все будет нормально. Я задохнулась, когда тот же человек, что тащил меня за волосы, схватил меня за шею. Он с легкостью приволок меня к самому краю лестницы и отпустил меня. Я спиной ощутила полет, а после с грохотом я съехала по лестнице. Они бежали следом и гогот раздавался из-под масок. Моя спина разрывалась от боли, но я заставляла себя оставаться в сознании. Хлопнула входная дверь и я пыталась встать. Когда я пошевелилась острая боль пронзила живот, будто сотни ножей вставили. Дело плохо, потому как мой ребенок брыкался не успокаиваясь. Я не могла встать на ноги. Шок поглощал мое сознание и закричала от ужаса. По ногам сочилась кровь. Я должна встать. Я должна встать. Я встала, тяжело опираясь на лестничные перила. Новый всплеск боли, и я снова падаю на колени. Мне не хватает воздуха, я, глубже вдыхая, не оставляла попытки заново подняться. Я почти ползком добралась до кухни, где находился городской телефон. Я набрала номер скорой помощи. Я ждала их бесконечно долго, прижимая полотенце между ног. Оно все пропиталось моей кровью. Я задыхалась от ужаса, когда наконец оказалась в машине скорой.

– Что произошло? – спрашивают они. А я хочу сказать им, что задыхаюсь. Я ЗАДЫХАЮСЬ. Помогите же моему ребенку. Помогите же ему. Я издаю лишь хрип. Жалкий, протяжный хрип. А они вновь что-то спрашивают у меня. Я сделала последний рывок и прохрипела:

– Ребенок. В меня суют иглы. А я пытаюсь сказать, что не могу дышать. Я не могу дышать. Мое горло сдавило. Я пытаюсь вдохнуть, но не могу. Темно вокруг и я уже не чувствую боли. Темнота поглощает меня. Она поглощает.

Темнота поглотила Инну.

Она ушла

Глава 5

Десять лет... Прошло десять, сранных лет, а я, глядя на фото моей пташки рыдал, словно пятилетний пацан. Ранним утром первого января, мне позвонили из службы охраны, которую я нанял для Инны. Они должны были хранить её. Они что-то говорили о больнице и операции. Я, тогда ничего не понимая, сразу же, первым рейсом вылетел в отчий дом. Я не понимал ничего, но успокаивал себя, что ничего страшного не произошло. Я убил Инну. Я узнал это из уст тети Глаши, которая, проклиная меня, рыдала в коридоре городской больнице. Я ничего не понимая, кричал:

– Где Инна? Куда вы дели её, чёрт побери всех вас?! – орал я на медицинский персонал, который окружил меня.

– Кем вы приходитеесь пациентке? – спрашивали они.

– Брат. Я её брат. Врач проводил меня в палату. То была детская палата. Тогда я впервые увидел своего сына. Тётя Глаша, сказала мне потом, что Инна называла его Ваней.

– Мы едва спасли ребёнка, – сказал врач. Я был в отчаяние, схватив его за грудки, я продолжал кричать:

– Что все это значит? И где моя Инна?

– Ваша сестра умерла в скорой помощи, обильная кровопотеря... Я помню, как что-то раздирало меня изнутри. Я не верил врачу, но он продолжал:

– Кто-то столкнул вашу сестру с лестницы. Это подтверждают гематомы на спине, и два сломанных ребра. По первичному осмотру, причина смерти – отек лёгких.

– Как? – шептал я.

– До судебно- медицинской экспертизы, точная версия происшествия неизвестна. Мы предполагаем, что осколок ребра пробил легкое... Он говорил мне, что её убили. У неё остался ребёнок. Слёзы бежали по моему лицу, но я не осознавал.

– Ребёнок здоров, но пробудет в больнице ещё неделю под наблюдением.

– Где она? – голос мой дрожал. Я был полон ненависти. И жаждой убивать. Доктор подозвал санитаря, и тот отвёл меня в морг. Они отвернулись белую простыню, а я, свалившись на колени рыдал как ребёнок. Я желал ей лучшей жизни... Я хотел, чтобы, она жила без меня. Я думал, что это неправильно, брать в жены сестру. Но глядя на её исхудавшее, холодное тело... Я проклял день, когда оставил её. Я проклинал себя, и до сих пор проклинаяю. Моя пташка, моя любимая пташка лежала неподвижно, а я ничего не мог поделать со своим горем. Стоя перед ней на коленях, я просил прощения, надеясь, на то, что

она простит меня. Я ведь знал, что моя пташка, самый светлый человек в мире, и она обязательно меня простит. Когда я оставил её, я возомнил что, то были худшие месяцы моей жизни, но ошибался... Как жестоко я ошибался. Два раза, два чертовых раза я покупал билет домой, но впоследствии сдавал обратно. Я хотел для неё лучшей жизни... Не помню, как я оказался в палате. Меня чем-то накачали, и боль моя временно притупилась. Она ждала ребёнка. Моего ребёнка, а я как чертов трус, избегал даже звонков. Я хотел вычеркнуть себя из её жизни. Своим поступком, я сделал с точностью, да наоборот. Я помню, как впервые взял на руки своего сына, он был так похож на неё. И спустя столько лет, он остаётся вылитой копией своей матери. Меня это радует, мой сын, живое напоминание об ангеле, которого я потерял. Наступит день, и я расскажу ему правду. Он должен знать о том, как, я поступил с его мамой и моей сестрой. После больницы я лежал в её комнате, в её постели и вдыхал её запах, представляя, что она жива и просто куда-то вышла. Под подушкой Инны, я нашёл своё фото... Как горько мне было тогда, я хотел пойти вслед за сестрой, Туда, где мы возможно могли бы быть вместе. Теперь уже – только Там. Я помню, как чуть не выбил жизнь из охранника, который следил за домом, той ночью. Меня едва успели оттащить... Я был опустошен. Она забрала мою душу с собой, и оставалась лишь оболочка... Тогда я жаждал мести. Инну заставили подписать бумаге о полной передаче имущества третьему лицу, которого словно и не существовало. Как выяснилось позже, за всем этим стоял адвокат нашего отца. Почуввав лёгкую добычу, эти твари выжидали своего часа и выждали его. Я хотел убить их всех, но их взяли под стражу, и у меня были связаны руки. Эти твари будут сидеть, почти всю свою жизнь... Уж об этом я позаботился. С высоты прожитых лет, я понимаю, что Инна расплатилась за грехи нашего отца. Она расплатилась кровью и своей жизнью. Я хотел совершить непоправимое, но сейчас, глядя на сына, я понимаю, что мог втянуть его в кровавую реку мести и горя. Моя пташка. Как – то раз она сказала, что останется непосредственной, навсегда. Для меня она осталась такой. Молодой, красивой, полной света, любви и непосредственности. Я не уберег её, и гореть мне в аду. Каждое фото и запись Инны, которые я собрал со всего дома, где она жила, я храню как самую ценную, и дорогою мне вещь. Открытка с флешкой, которую Инна оставила для меня в свою последнюю ночь, всегда со мной. Где бы я ни был. Сейчас она лежит в нагрудном кармане моего пиджака. Мы кремировали тело Инны. Глядя как её тело поместили в печь, моя душа сгорала вместе с нею. Я не мог положить её в сырую землю. Я не мог оставить её там. Её прах я развеял на "краю земли"... Я обещал ей, что мы ещё вернёмся туда. Но не так. Я не хотел так. Но и поступить по-другому не мог. Возможно, что довольно скоро мой прах развеет наш сын, на том же месте. И мы наконец воссоединимся с Инной. Я хочу верить, что она ждёт меня там. Я верю в это. Оформив опеку, я забрал сына и навсегда улетел, забывая свой отчий дом. Я жестоко запил тогда. Несколько месяцев пребывая в пьяном угаре, я оставлял Ваню на нянек, которые очень быстро сменяли друг друга. Мне было все равно... Но однажды взглянув в глаза уже повзрослевшему малышу, я понял, что должен ему. Я должен ему мать, которую отобрал и нормальную жизнь. Инна осудила бы меня за такое пренебрежение нашим ребёнком. Я перестал поддаваться забвению и жалеть себя. Я работал до изнеможения и все свободное время посвящал сыну. Так и потекла моя жизнь, полная забот, грязных пеленок, молочных каш и прочей суеты. Когда Ване стукнуло почти три года, он, взглянув на меня своими огромными голубыми глазами, спросил меня:

– Папа, – сказал сын, – а где моя мама?

Я отвез его на "край земли". Мы стояли на том же месте, где я когда-то был счастлив со

своей пташкой.

– Там, – указал я рукой вперёд, – за горизонтом, живёт твоя мама, малыш.

Ветер трепал его темные кудряшки, а он внимательно смотрел на фото Инны, а потом опять на просторы бескрайнего моря.

– А она видит нас сейчас?

– Да, Ванечка, она видит нас. Он приветственно помахал рукой и прокричал:

– Привет, мама. С тех пор, мы каждый год ездим туда. Где все десять лет, которые я прожил без неё? Мне тридцать семь, и я все время думаю о том, какой бы была сейчас моя Инна? Но наблюдая за жизнью нашего сына мне становится немного легче. Я никогда бы не подумал, что такая тяга к музыке передаётся по наследству. Инна была бы в восторге от талантов, которыми она наградила нашего сына. Даже Пушок, предпочитая общество Вани, подпевал ему грустным мяуканьем, когда тот садился за пианино. Я горжусь нашим сыном... Я горд, от того, что мы с Инной создали человека, который стал продолжением нас самих, и, в частности, её. Сейчас, что-то странное происходит в моей жизни, и я удивляюсь тому, как порой складываются судьбы людей. Вовремя, что я работал, заглушая свою боль, мне удалось сколотить довольно большое состояние. Все то мишура моей жизни, но я думал о Ване и о его удобстве. Месяц назад, мне позвонила работница службы опеке. Она попросила подъехать в один из приютов Лондона, чтобы поговорить со мною. Я, не понимая в чем дело, все же согласился. Речь пошла о моей, так называемой, дочери. Я сказать честно, подумал, что меня разыгрывают, или же с кем-то спутали. Когда эта мадам назвала имя моего бывшего секретаря, меня обдало холодом. Эта особа работала у меня большего года назад, я уволил её за многочисленные прогулы, без уважительной причины. Эта странная девушка назвала меня отцом своего ребёнка. Это абсурд полнейший, ведь я, даже рядом с нею редко стоял, но директор приюта продолжала: – ...отдала ребёнка, и указала, что у неё не хватает средств на воспитание... – говорила женщина, а я почему-то молча её слушал. – ...обозначила, вас, как возможного опекуна... – теперь мне все стало понятно. Эта девушка решила переложить на меня свой груз ответственности. Но, почему я? Дама настояла пройти с ней, и я пошёл. Меня завели в другой кабинет, где няня ждала нас, с малышкой на руках. Пятимесячная, белокурая девочка хныкала, не выпуская большой палец изо рта. Она изучающе взглянула на меня своим зелеными глазами, и мне стало жаль ребёнка. Брошенная девочка, которая крутила головой в поисках мамы, растрогала меня.

– Ещё есть претенденты на опекунство? – спросил я.

– Все отказались, – ответили мне. Я подумал, как можно отказаться от такого прелестного ребёнка? Я не знаю, что двигало мной тогда, но я оформил опекунство. Я думал о судьбе Инны... Она же была в детском доме, пока мой отец, случайно не набрел на неё.

– Как можно отказаться от собственного ребёнка? – спросил я, у заведующей приюта.

– Мие повезло, – ответили мне, – вы, добрый человек. Ваню я упорно готовил к приезду сводной сестры. Он протестовал и говорил, что желает иметь брата. Я сказал:

– Увы дружок, выдают только девочек. Он думал несколько дней, а потом подошёл ко мне и сказал:

– Ладно, пусть будет девчонка. Сегодня я забираю Мию из приюта, и возможно, я до сих пор пытаюсь загладить свою вину перед Инной, таким способом. Мы с малышкой подъехали к дому и навстречу нам вышел Ваня.

– Прошу любить и жаловать, Мия Макбет, – сказал я, и понёс девочку в дом. Ваня плелся сзади, громко шаркая ногами. А Мия крутила головой, спокойно рассматривая все

вот круг. Она что-то громко восклицала на своем языке, подергивая ручонками вверх и вниз. Новая няня, которую я нанял для своей подопечной взяла у меня малышку, но та протестующие завизжала, и я снова посадил её к себе на руки. Я повернулся к Ване:

– Что скажешь? Мой сын подошёл ближе и Мия улыбнулась ему, выставляя на показ два нижних зубика. Ваня протянул к ней руку, и девочка, ловко ухватив его за палец, сунула тот в рот. Ваня, улыбаясь, сказал:

– А она ничего, только слюнявая вся.